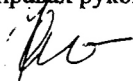

0- 777752

На правах рукописи

Касатых Елена Альбертовна

**Мир творчества А. И. Цветаевой:
художественное, онтологическое, событийное**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Шуйский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Овчинина Ирина Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Дзуцева Наталья Васильевна
Ивановский государственный
университет

кандидат филологических наук, доцент
Котлов Александр Константинович
Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова

Ведущая организация: Московский городской педагогический
университет

Защита состоится 21 мая 2009 года в 13.00 часов на заседании диссер-
тационного совета Д 212.062.04 при Ивановском государственном универ-
ситете по адресу: г. Иваново, ул. Ермака, 39, ауд. 459.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ивановского госу-
дарственного университета

Автореферат разослан 14 апреля 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547877

Учёный секретарь
диссертационного совета

Е. М. Тюленева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Содержание научной проблемы и актуальность исследования. Большинству современных читателей Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993 гг.) известна как автор «Воспоминаний», которые являются и ценным источником сведений о начале жизненного пути М. И. Цветаевой, и ярким художественным произведением. Известные современники (П. Г. Антокольский, Б. А. Ахмадулина, А. Д. Дементьев, Н. Н. Матвеева и др.) уважительно отзывались и о других её книгах – романе «Атоп», повести «Моя Сибирь», сборнике очерков «Неисчерпаемое».

В творчестве Цветаевой художественное, онтологическое и событийное начала выступают как взаимообусловленные и неразрывно связанные между собой. Круг избранных тем определился перипетиями её жизненного пути. Пережив революцию, войны, сталинские репрессии, она, высокообразованный и духовно стойкий человек, сумела не только не сломаться, но и развить свой талант – писала в условиях лагеря, ссылки и отправляла рукописи на сохранение надёжным людям. Вся проза Цветаевой (воспоминания, автобиографический роман, мемуарные повести, очерки, эссе) глубоко лирична и имеет очевидную автобиографическую основу. В текстах явно ощущается личностное авторское начало, «воля, твёрдое “Я” – своеобразная точка нравственного отсчёта»¹. В произведениях Цветаевой отразились её духовные искания, движение от сомнений, атеизма к твёрдой уверенности в существовании Бога. Сама мемуаристка соотносит собственную духовную биографию с историей и судьбой России, которая в XX столетии «ушла от Бога и однажды вернулась к нему»². Она создаёт мемуарные портреты многих современников, чьи имена пользуются известностью или почти забыты.

Изучение биографии и литературного наследия А. И. Цветаевой отвечает интересам современного цветаведения, которое всё чаще обращается не только к проблемам жизни и творчества М. И. Цветаевой, но и к осмыслению жизненного пути других представителей рода – самого Ивана Владимировича Цветаева, его детей Анастасии, Валерии, Андрея³. Этой

¹ Айдинян С. А. Предисловие // Цветаева А. И. Непостижимые. М., 1992. С. 6.

² Цветаева А. И. Мой путь к религии // Россияне. 1995. № 11–12. С. 11.

³ Хеккельшнейдер Э. Семья Цветаевых и Дрезден // Семья Цветаевых в истории и культуре России. М., 2008. С. 13–31; Баранов А. Н. Новые материалы к биографии И. В. Цветаева // Семья Цветаевых в истории и культуре России. М., 2008. С. 43–51; Надеждина Е. А. Об Андрее Ивановиче Цветаеве // Добро и зло в мире Марины Цветаевой. М., 2007. С. 476–486; Барина С. В. Андрей Иванович Цветаев. Семья // Цветаевские научные чтения в Тарусе. Вып. 2. Калуга, 2007; С. 45–56. Битюцкий В. Воронезская дворянка. Анастасия Цветаева // Грани. 2007. № 224. С. 86–104; Кузьмин С. «Оттуда наш цветавский род... Священнический» // Наша Родина Иваново-Вознесенск. 2006. № 6. С. 49–51.

назревшей в науке необходимости соответствует и тематика конференции, прошедшей Доме-музее Марины Цветаевой (г. Москва) в 2007 году – «Семья Цветаевых в истории и культуре России». В 2008 году была переиздана книга Г. К. Кочетковой «Дом Цветаевых», насыщенная архивными материалами, рассказывающая об истории «большой и славной» семьи Цветаевых, которая воспринимается автором как «замечательный русский род, обладающий своими добрыми традициями, неувядающими духовными ценностями, передаваемыми из поколения в поколение»¹. Об особом интересе к цветаевскому роду свидетельствует и серия популярных книг Л. Анискович – «Край бузины и край рябины (Цветаевы в Тарусе)» (М., 2004); «Ариадна и Мур. Путь в никуда» (М., 2006); «Мария Александровна и Иван Владимирович Цветаевы. Жизнь на высокий лад» (М., 2007); «Анастасия, Валерия и Андрей Цветаевы. Разными дорогами» (М., 2007).

Таким образом, осмысление творчества А. И. Цветаевой актуально на современном этапе развития науки о литературе, стремящейся к созданию объективной и целостной картины литературного процесса ушедшего столетия.

Степень научной разработанности проблемы. Активное осмысление творчества Цветаевой началось после того, как в 1966 году в журнале «Новый мир» были опубликованы фрагменты «Воспоминаний», а в 1971 году была впервые издана и сама книга. В критических отзывах П. Антокольского и Г. Трефиловой звучит восхищение художественной стороной и историко-биографической ценностью мемуаров².

В конце 1990-х – начале 2000-х годов в журналах «Новый мир», «Звезда», «Аврора», «Россияне», «Грани» вышло немало статей, посвящённых отдельным аспектам биографии, литературной деятельности и творческой манеры Цветаевой. Их авторы (С. А. Айдинян, Г. К. Васильев и Г. Я. Никитина, М. О. Смирнов, Н. Н. Матвеева) хорошо знали писательницу, что определяет и специфику этих работ: им свойственна теплота, задушевность повествования. Таковы и книги о Цветаевой, написанные Д. А. Донской, Л. Н. Козловой, Г. Н. Пухальской.

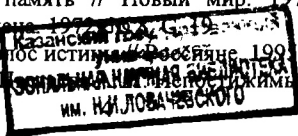
Литературный секретарь Цветаевой С. А. Айдинян стал автором предисловий к её книгам «Неисчерпаемое», «Непостижимые», «О чудесах и чудесном», статей в жанре мемуарно-критического эссе, содержащих очень точные суждения о своеобразии цветаевской прозы. Он отмечает «импрессионистическую живописность яви» в «Воспоминаниях»³, определяет «Апог» как роман «преодолений»⁴, замечает, что животные в прозе Цветаевой представлены как существа, способные «приблизиться к тем высотам

¹ Кочеткова Г. К. Дом Цветаевых. Иваново, 2008. С. 4.

² Антокольский П. Проза и память // Новый мир. 1972. № 6. С. 250–254; Трефилова Г. Книга жизни // Смена. 1972. № 4. С. 19.

³ Айдинян С. А. Хрустальный голос истины // Россияне. 1993. № 11–12. С. 5.

⁴ Айдинян С. А. Предисловие // Цветаева А. И. М., 1992. С. 4.

душевным, которые уже граничат с духовностью»¹. С. А. Айдинян опубликовал и неизданные при жизни писательницы рукописи².

Г. К. Васильев и Г. Я. Никитина, бывшие близкими друзьями мемуаристки и получившие от неё любовное объединительное прозвище «Глебы», создали целый пласт исследовательских материалов о Цветаевой, тщательно прокомментированных, отличающихся богатой фактологией и оригинальностью. В частности, одна из статей посвящена жанру инскрипта в творчестве А. И. Цветаевой³. «Глебы» самостоятельно, всего в нескольких экземплярах издают книги, сразу же становящиеся библиографической редкостью. В четырёхтомнике «Телефон на Большой Спасской» собраны расшифрованные стенограммы телефонных разговоров с мемуаристкой в 1985–1988 годах, где отразилась повседневная жизнь писательницы в период её высокой творческой активности. Они выпустили и семь объёмных сборников «Первая встреча», составленных из воспоминаний современников о том, какой они увидели Цветаеву в момент знакомства, потому что, по мнению составителей, «“первый взгляд” ... – всегда самый точный и самый запоминающийся»⁴. Г. К. Васильев и Г. Я. Никитина подготовили и передали на хранение в Дом-музей Марины Цветаевой собрание инскриптов писательницы и её библиотеку, предварительно описав её состав и численность.

К настоящему времени написано немало мемуарных, публицистических работ, требующих систематизации и осмысления. Однако до сих пор не существует отдельного, целостного научного исследования, посвящённого творчеству Цветаевой (как и её научной биографии). Поэтому новизна настоящей диссертации состоит в том, что в ней впервые осуществлён целостный анализ основного корпуса литературного наследия писательницы («Воспоминания», «Амог», «Моя Сибирь», «Неисчерпаемое» и др.). Кроме того, впервые введены в научный оборот малоизвестные архивные материалы, хранящиеся в РГАЛИ. Однако объём диссертации не позволяет рассмотреть абсолютно все произведения Цветаевой. Оставшиеся за пределами данной работы «Дым, дым и дым...», «Непостижимые», «Сказки» и др. ждут своего исследователя. Таким образом, изучение творчества А. И. Цветаевой является перспективной и значимой областью литературоведения.

Объектом исследования в работе являются произведения Цветаевой, изданные в разные годы; малоизвестные рукописные и эпистолярные материалы, воспоминания современников о писательнице; критические статьи, посвящённые её творчеству. **Предметом** – осмысление художественно-

¹ Там же. С. 8.

² Цветаева А. Николай Миронов // Новый мир. 1996. № 6. С. 144–160; Айдинян С. А. «Аллеи дремали задумчивым сном ...» Из ранней поэзии Марины Цветаевой: неизвестные фрагменты // Добро и зло в мире Марины Цветаевой. М., 2007. С. 459–467.

³ Васильев Г. К., Никитина Г. Я. «Проза, насыщенная электричеством памяти...» // Грани. 1999. № 189. С. 176 – 192.

⁴ Кононов В. В гостях у друзей Анастасии Цветаевой // Встреча. 2005. № 9. С. 36.

го своеобразия, онтологического и событийного наполнения прозы Цветаевой.

Цель работы – изучить творчество А. И. Цветаевой в единстве художественного, онтологического, событийного.

Поставленной целью обусловлены следующие задачи:

- исследовать архивные материалы, проясняющие творческую историю, событийные основания и художественные особенности мемуарного творчества Цветаевой;
- осмыслить художественные особенности и своеобразие событийного плана книги «Воспоминания»;
- осветить сложность духовного пути писательницы, отразившегося в автобиографической прозе («Воспоминания», «Апог», «Моя Сибирь», «Неисчерпаемое»);
- проанализировать функционирование лирического и драматического начал в эпическом полотне романа «Апог»;
- изучить соотношение бытового и бытийного в повести «Моя Сибирь»;
- дать анализ своеобразия малых жанров (книга «Неисчерпаемое»);
- уяснить влияние фактов биографии на содержание и поэтику прозы А. И. Цветаевой.

Теоретической и методологической основой работы стали труды Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, И. С. Кона, Г. Г. Елизаветиной, А. Г. Тартаковского, Л. Я. Гаранина, Н. А. Николиной, И. О. Шайтанова, М. Я. Билинкиса, Т. М. Колядич, посвящённые жанровому своеобразию мемуаров, специфике мемуаротворчества, осмыслению достоверности как эстетической категории, определению условий перехода индивидуально-значимых сведений в разряд культурно-значимых. Изучение творчества А. И. Цветаевой осуществлено на основе комплексной методологии – это сочетание текстологии, сравнительного, исторического, биографического, типологического методов, культурологического и онтологического подходов.

Практическая значимость исследования «Мир творчества А. И. Цветаевой: художественное, онтологическое, событийное» состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы при написании научной биографии писательницы, а также в преподавании учебного курса по истории русской литературы XX века и по литературному краеведению. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны при составлении будущего собрания сочинений А. И. Цветаевой и написании комментариев к нему.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Художественное, онтологическое и событийное начала в творчестве А. И. Цветаевой неразрывно связаны.

2. В прозе писательницы наблюдается комплекс устойчивых мотивов – мотив детства, судьбы, преодоления, веры, времени и памяти. Значимость этих тем для мемуаристики определяется особенностями её личного и творческого пути.
3. Онтологический смысл творчества Цветаевой обусловлен христианским мировидением и природным нравственным основанием её характера, определяющимся как любовь к людям.
4. Событийный план отражает её личную, творческую и духовную биографию. При этом жанровый состав и композиционная организация прозы отличаются разнообразием. Повествование в «Воспоминаниях» и мемуарной повести «Моя Сибирь» организовано с точки зрения последовательной хронологии, а композиция романа «Апог» характеризуется интроспекцией.

Апробация результатов исследования. Научные положения и результаты работы апробированы в докладах и выступлениях на конференциях международного, всероссийского и регионального уровня: Международная научно-тематическая конференция «Семья Цветаевых в истории и культуре России» (Москва, 2007); Международная конференция «Русское литературоведение на современном этапе» (Москва, 2007); Международная научная конференция «X Виноградовские чтения» (Москва, 2007); Международная научная конференция «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2007); Научная конференция «Малые жанры. Теория и история» (Иваново, 2007); Научная конференция «Потаённая литература» (Иваново, 2007); Нижегородская сессия молодых учёных. Гуманитарные науки (Нижний Новгород, 2007); Региональная научно-практическая конференция «Проблемы литературного образования: школа – вуз» (Шуя, 2007); Межвузовская научная конференция «Литература XX – XXI веков: автор, текст, интерпретация» в рамках фестиваля «Молодая наука» (Иваново, 2007); Международная конференция «Русское литературоведение на современном этапе» (Москва, 2008); Всероссийская научно-методическая конференция памяти В. П. Медведева «Литература и личность: методический и литературоведческий аспекты» (Иваново, 2008); Шуйская сессия студентов, аспирантов, молодых учёных (Шуя–Иваново, 2008); Межвузовская научная конференция «Литература XX – XXI веков: автор, текст, интерпретация» в рамках фестиваля «Молодая наука» (Иваново, 2008); Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2009); Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 2009).

Структура диссертационного исследования.

Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка литературы. По теме диссертации опубликовано 14 статей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении представлено содержание научной проблемы и степень её разработанности в литературоведении, обосновывается новизна и актуальность темы диссертации, формулируются цели и задачи исследования, определяется методологическая основа.

Глава I посвящена «Воспоминаниям» – «главной книге» А. И. Цветаевой», ставшей заметным явлением литературы XX века.

В параграфе 1 «Издательская судьба «главной книги» А. И. Цветаевой» исследуется творческая история и обстоятельства издания книги на основании переписки А. И. Цветаевой с П. Г. Антокольским, В. И. Цветаевой, А. С. Эфрон, А. А. Саакянц, И. Г. Эренбург, с привлечением свидетельств самой писательницы и текстологического сравнительного анализа рукописей, печатных изданий.

Осознание необходимости написать мемуары возникло в связи с заинтересованностью Цветаевой историей семьи (что отражено в переписке со старшей сестрой), желанием воскресить в памяти собственное детство, запечатлеть образы сестры Марины и литературные портреты современников. Потребность в читательском отклике была столь велика, что побуждала автора знакомить с ещё не законченной рукописью людей, не равнодушных к личности и таланту М. И. Цветаевой.

Основное содержание «Воспоминаний» отражено в журнальных публикациях разного времени. Ещё в 1930-м году в «Новом мире» был напечатан очерк «Из книги о Горьком». Цветаева не написала книгу об известном писателе по той причине, что в 1937 году она была арестована, но очерк впоследствии вошёл в состав мемуаров. В 1966 году в этом же журнале были опубликованы воспоминания о детстве, названные «Из прошлого», а в 1971 году вышло первое издание «Воспоминаний». Однако и после этого Цветаева продолжала дополнять мемуары новыми фактами, оттачивать стиль. Закончив книгу 1971-го года открытием Музея изящных искусств, она раздвигает хронологические рамки повествования, доводит его до весны 1922 года. Вновь написанные воспоминания о юности и ранней молодости, вошедшие в поздние издания книги, были напечатаны в журналах «Москва» (1981, № 3) и «Звезда» (1985, № 2).

Усиленный цензурный контроль и требование издательства сократить рукопись привели к тому, что в ходе подготовки книги к печати Цветаева и редактор М. И. Фейнберг были вынуждены отказаться как от частностей изобразительного плана, так и от значительных фрагментов текста, оставивших след лишь в названиях глав – «События школьной жизни» (гл. 2, ч. 8), «Последняя драка» (гл. 4., ч. 8), «Семейная трагедия Драконны» (гл. 3, ч. 8), «Боря Голубев и Гоголь. Корь» (Гл. 6, ч. 9) и др. Редакторская правка способствовала и более чёткому образному и хронологическому структурированию книги.

В настойчивом преодолении препятствий творческого и издательско-бюрократического характера отразился твёрдый, жизнестойкий характер мемуаристики. Семь изданий «Воспоминаний» – 1971, 1974, 1983, (1984 – дополнительный тираж), 1999, 2002, 2005 гг. – и благосклонные отзывы в печати¹ стали результатом многолетней и многотрудной работы Цветаевой над своей «главной книгой».

В параграфе 2 «Художественное своеобразие “Воспоминаний”»: жанр, композиция, хронотоп» анализируются эстетические особенности книги, во многом обусловленные высокой мерой присутствия автобиографического начала, которое проявляет себя и в событийном плане, и в богатстве эмоционально-экспрессивного плана, и в осознании собственной памяти как ведущего аргумента достоверности повествования.

В «Воспоминаниях», обладающих жанровыми признаками мемуаров (фактографичность, установка на достоверность, хроникальность, ретроспективность, аксиология прошлого), автобиографизм явно проявляется в связи с убеждёностью А. И. Цветаевой в собственном душевном сходстве с сестрой Мариной. Этим обусловлено и стремление мемуаристики рассказать о переживаниях, о становлении своего характера и нравственных ориентиров.

Специфика жанра предполагает расположение событий во временной перспективе, что и определяет структуру и характер мемуарного повествования. Композиция «Воспоминаний» основана на личностно-значимых координатах пространственно-временного континуума, о чём свидетельствуют названия многих глав: «Наша московская зима 1901–1902 годов. Мусина гимназия ... Воробьёвы горы»; «Испытание. Весна 1904 года. Шильонский замок. Праздник нарциссов»; «Лето 1910 года. Дрезден. Сикстинская мадонна» и др. Наиболее крупные структурные части воплощают самоощущение повествователя во времени: «Детство», «Отрочество и юность», «Молодость».

Автобиографизм во многом определил и особенности хронотопа, где личное биографическое время преобладает над историческим, когда внимание автора сосредоточено на радостях и потерях в частной жизни, а не на ходе исторических событий. Поэтому политика воспринимается автором как «трагикомедийный театр»². Мельчайшая переживаемая человеком единица времени – миг, мгновение, секунда – значима и предельно насыщена звуком, запахом, действием.

Центральные образы локального плана – дом, Москва и Таруса – актуализируются в главах, посвящённых детству, и характеризуются одухотворённостью, предметной насыщенностью, особым колоритом, синтезом

¹ Антокольский П. Проза и память // Новый мир. 1972. № 6. С. 250-254;

Тре-

филова Г. Книга жизни // Смена. 1972. № 8. С. 19.

² РГАЛИ Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 381. Л. 27.

индивидуальной и общекультурной значимости. Локус дома выступает в традиционной трактовке как замкнутое, мифологизированное, живое, «своё» пространство. В локальном домашнем интерьере осуществляется связь времен и поколений, происходящая на уровне индивидуальной и общекультурной значимости. Москва (представленная в контексте «пушкинской» эпохи и маркированная, соответственно, монастырями, храмами, скверами) и Таруса (обращённая к хронотопу Вечности) для повествователя равнозначны и воплощают искусственное и естественное начала, способствующие гармонии личностного становления.

Предельная погружённость автора «Воспоминаний» в прошлое, замеченная П. Г. Антокольским¹, обусловлена цветаевским пониманием оптимального подхода к мемуаротворчеству, который предполагает максимально возможную отстранённость от настоящего, позволяющую «уйти в прошлое с головой»².

В параграфе 3 «Истоки духовного поиска А. И. Цветаевой в событийной канве „Воспоминаний“» выявлены и исследованы ключевые автобиографические моменты, повлиявшие на нравственное и мировоззренческое становление автора-повествователя. Семейное воспитание основывалось на нормах общечеловеческой нравственности, внешняя религиозная обрядовость соблюдалась не строго, сёстры Цветаевы были знакомы как с евангельскими сюжетами, так и с книгой Ренана, осуждаемой церковью, потому что Христос представлен в ней реально бывшим, живым человеком. Среди заграничных духовных впечатлений (1904–1908 гг.) особенно значимы – встреча с В. А. Кобылянским, революционером-атеистом, и учёба в пансионе Лаказ, проникнутом духом содружества, взаимопомощи и католической религиозности.

Противоречивость религиозных переживаний в детстве и отрочестве, ранняя смерть матери и духовный кризис культуры начала XX века во многом определили богоотрицание юной А. И. Цветаевой, результатом которого стало литературно-философское эссе «Королевские размышления» (1915 г.), справедливо воспринятые старшими современниками (М. А. Волошиным, Л. Шестовым, В. В. Розановым) лишь как этап духовного поиска.

Событийный план «Воспоминаний» позволил уяснить противоречивые факторы, определившие атеизм Цветаевой и её последующую религиозную убеждённость, серьёзное обращение к вере в 1921 году и принятие обета аскезы. О личных переживаниях и потерях, окончательно определивших выбор Цветаевой, подробно повествуется в романе «Аморг», в мемуарах эти моменты намечены пунктирно.

В параграфе 4 «Мемуарный портрет М. А. Цветаевой (Мейн)» сопоставляются трактовки характера Марии Александровны с точки зрения

¹ Антокольский П. Дневник. 1964 – 1968. СПб, 2002. С. 66.

² РГАЛИ Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 381. Л. 16.

дочери Анастасии и падчерицы Валерии. Если Иван Владимирович был личностью цельной и гармоничной, воспринимавшейся дочерьми с одинаковым почтением и теплотой, то характер Марии Александровны был противоречив.

В «Воспоминаниях» А. И. Цветаева сочувственно подчёркивает драматизм её судьбы. Доминантами образа матери выступают духовная сила, образованность, сдержанность и, вместе с тем, страстность. Марина и Ася «понимали, не осуждали»¹ мать, горячо любящую их, но строгую и предельно требовательную. Однако изучение эпистолярного наследия В. И. Цветаевой даёт представление о том, сколь часто могли проявляться со стороны Марии Александровны «неудовлетворённость, сомнение, дерзкое отношение к другим»². Мемуаристка и автор писем дают противоположные оценки реальным событиям – ношению Марией Александровной простой одежды, любовной драме с участием Кобылянского, пению дуэтом с падчерицей Валерией. Анализ мемуарного портрета матери в «Воспоминаниях» А. И. Цветаевой обнаруживает, что, при всём стремлении сказать правду о прошлом, она в определённой мере ретуширует историю семьи и сглаживает острые углы в характере М. А. Цветаевой.

Предметом осмысления в главе II «Духовные искания А. И. Цветаевой в зеркале романа „Апог“» является роман, рождённый в конце 30-х–начале 40-х годов в условиях лагеря для заключённых, но отредактированный и изданный лишь к началу 90-х годов, который Цветаева называла своей «коронной вещью»³.

В параграфе 1 «Жанрово-композиционное своеобразие романа» исследуется соотношение реальной и художественной модальностей, особенности автобиографизма, проявляющегося на художественном и содержательном уровнях текста. Образ главной героини Ники соотносится с личностью самой писательницы, а событийный план романа насыщен фактами реальной и духовной биографии автора.

В диссертации роман определяется как автобиографический, любовный, психологический. В качестве смыслового и эмоционального центра произведения выступают взаимоотношения Морица и Ники, пытающейся понять суть личности своего начальника, испытывающей к нему любовное чувство. Внимание автора сосредоточено на психологических и онтологических проблемах – мужского и женского мировосприятия, чувства и долга, разнообразных проявлений любовных переживаний, ответственности за близкого человека и др.

¹ Цветаева А. И. Воспоминания. М., 2005. С. 45.

² РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 401. Л. 114, об.

³ Васильев Г. К., Никитина Г. Я. Телефон на Большой Спасской. 1988. Разговоры с Анастасией Цветаевой. М., 2003. С. 119.

«Амор», создававшийся в лагере, художественно отстоит от произведений «лагерной» прозы. В нём отсутствуют пафос обличения политической системы и социальная проблематика; развитие сюжета обусловлено более психологическими переживаниями персонажей, чем событиями лагерной жизни. Беспокойство Ники о существовании в несвободе находится на периферии её сознания, погружённого в другие сферы бытия, так что создаётся впечатление духовной независимости героини от навязанной эмпирической данности. Действительность лагеря становится фоном, на котором ярче высвечиваются переживания героев.

Сюжетная ткань романа пронизана воспоминаниями персонажей, придающими повествованию исповедальные ноты и позволяющими лучше понять характеры. Прошлое помогает обнаружить точки соприкосновения между людьми, оказавшимися в замкнутом пространстве против своей воли. В личностной предыстории героини, ставшей отдельным сюжетным «исповедальным» планом (наряду с планом «лагерным»), автору важно показать этапы её духовного пути и объяснить своеобразие её чувства к Морицу. Композиция интроспективна: лагерный план прерывается планом исповедальным, возникновение которого обусловлено желанием Ники стать более понятной для Морица.

В замкнутом пространстве лагеря герои ограничены в действии и проявляют себя преимущественно в слове. Цветаева мастерски создаёт разные виды диалога – диалог-деловая беседа, лирический диалог, диалог-воспоминание, диалог-исповедь, диалог-конфликт, внутренний диалог. Камерность эпизодов, характерологические замечания автора, похожие на ремарки, «режиссирование» сцен с помощью изменения освещения и звукового сопровождения – всё это обнаруживает присутствие драматургического начала в романе.

Сложная жанровая, композиционная и повествовательная природа романа позволяет говорить об оригинальности художественного воплощения и глубине онтологического смысла повествования.

В параграфе 2 *«Лирический текст в структуре "Амор"»* анализируется характер и функционирование стихов, включённых в эпическое полотно романа и вошедших впоследствии в книгу «Мой единственный сборник».

Тема творчества как возможности подняться над бытом пронизывает интертекстуально обогащённое повествование романа. Лирика становится сюжетообразующим фактором: вокруг чтения тетради Ники формируются различные эпизоды, отдельная глава произведения и лирический цикл героини имеют одинаковое название – «Мыльные пузыри». Лирический текст соотносится с событийным планом романа: стихи Ники подготавливают её исповедь; на уровне лирического текста происходит внутренний диалог между Никой и Морицем. Лирический текст компенсирует отсутст-

вие пространных описаний лагерной действительности, где передано самощущение героини в тяжёлых обстоятельствах.

Лирика в романе передаёт любовные переживания героини, навеяна воспоминаниями о детстве и созерцанием жизни природы, способствует осмыслению автором существования в условиях несвободы. Стихи Цветаевой, писавшиеся в лагере, характеризуются соотнесённостью с музыкальными жанрами («Сюита ночная», «Сюита призрачная», «Доминант-аккорд. Летняя ночь», «Разрешающий аккорд. Утешение»), тесной взаимосвязью жизни и искусства, использованием артефактов из различных сфер культуры в качестве кодирующего механизма для пересоздания реальности, проявлением «зеркальной поэтики», когда размыты границы между сном и явью, реальным и ирреальным. Характерными свойствами поэтического синтаксиса Цветаевой являются регулярное использование инверсий и переносов, эмфатических и лирических вопросов, восклицаний. Усложнению мелодики стиха способствует и излюбленный автором размер – пяти- и шести-стопный ямб с пропуском ударений в стихах.

Явно выраженные темы-оппозиции «дух» – «плоть», «рай» – «ад» с преодолением inferнального начала, мотив сокровенного молчания души и сердца, оптимистические интонации сближают лирику Цветаевой со стихами Б. М. Зубакина и А. К. Герцык, которые хорошо знали писательницу.

Поэтический текст, являясь своеобразным способом освоения действительности, обогащает эпическое повествование и открывает тонкие грани образа главной героини, обладающей богатым внутренним миром.

В параграфе 3 *«Духовный портрет автобиографической героини»* осмысливается духовный путь Ники и своеобразие воплощения его в бытийном и художественном планах романа. Религиозность героини проявляется в её нравственно-психологической позиции, в равнодушном, по-матерински тёплом отношении к людям, в ощущении ответственности за ближнего перед Богом. Эгоистической гордости Морица она противопоставляет собственную готовность «ежечасной героини за другого»¹.

Ника явственно ощущает присутствие в собственной судьбе неких высших сил, проводящих её через испытания и открывающих духовное зрение. Тема веры, тема долга, возмездия связаны в романе преимущественно с её образом. Чувство долга занимает одно из главенствующих мест в спектре эмоциональных состояний Ники. Понимание сущности долженствования эволюционирует в сознании героини от субъективно-индивидуалистической к христианской, общечеловеческой трактовке, когда «любовь к одному с отказом от всех не нужна, грешна, страшна, отвратительна»². Как возмездие за потакание страстям трактуется в романе скорая смерть мужа Маврикия и

¹ Цветаева А. И. Амор. М., 1991. С. 75.

² Там же. С. 185.

младшего сына Ники – Алёши. Однако эти первые страшные потери не освободили молодую героиню от безверия и отрицания существования Бога.

Наибольшая напряжённость в развитии темы долга и возмездия достигается в момент описания смерти Глеба – первого мужа Ники, но и после этого трагического события она продолжает жить по велению чувств (глава «Свобода»). Решающее влияние на обращение самой Цветаевой к Богу, следование христианским заповедям и принятие обета аскезы оказал Б. М. Зубакин, поэт-импровизатор, историк, скульптор, владевший тайным оккультным знанием и в то же время близкий православию. Принадлежность «Амог» к жанру автобиографического романа, основанного на реальных событиях, но не преследующего цели точного, детального воссоздания прошлого, позволяет автору умолчать о фигуре человека, повлиявшего на её духовное становление и ход жизни (дружба с Зубакиным, руководителем «Ордена Розенкрейцеров» в Москве послужила поводом к её аресту).

Сознание Ники с течением времени меняется: иным становится её понимание греховности и очищение происходит по-разному. Смерть Маврикия и Алёши ложится на её душу грехом, переживаемым молча. За трагической гибелью Глеба следует покаяние героини в окружении прихожан церкви. А исповедь о своих многочисленных увлечениях, ясно осознаваемых как «грехи гордыни и сластолюбия»¹, Цветаева-Ника записывает на бумаге, что предполагает возможность прочтения многими в бесконечном временном континууме. Эволюционирует и понимание героиней любви как одного из важнейших переживаний в жизни человека – от страстного разрушительного чувства к созиданию человеческой личности. Преодоление и вера, по мысли автора, являются необходимыми условиями духовного роста человека.

В параграфе 4 «Человек в лагерном быту: „Амор“ А. И. Цветаевой и „Подвальные очерки“ А. К. Герцык» произведён сопоставительный анализ романа Цветаевой и очерков Герцык, написанных в 1921 году после заключения в Судак. Точки соприкосновения между «Амор» и «Подвальными очерками» объясняются тесным знакомством писательниц, близостью их мироощущений и духовно-нравственных приоритетов.

И Цветаева, и Герцык воссоздают происходящее в заключении в сдержанной стилистике, не останавливая внимания на бытовых подробностях; проблематика их произведений лежит вне социально-политической действительности и носит онтологический характер. Обе писательницы обращаются к проблеме духовной стойкости. Рост человеческой души показан в «Амог» и в очерке «Мать и дочь» через соотнесение человеческих переживаний в прошлом и настоящем.

Мировосприятие Ники и рассказчицы в «Очерках» основывается на христианской вере, и факт ареста воспринимается обеими как духовное

¹ Там же. С. 315.

испытание. В очерке Герцык «На расстрел» священник называет тюремные будни «санаторием для духа»¹, и это выражение точно определяет сущность восприятия тюремного бытия Цветаевой и Герцык.

Глава III «Бытовое и бытийное в повести “Моя Сибирь”» посвящена мемуарной повести А. И. Цветаевой, где рассказывается о жизни в ссылке (1949–1954 гг.) в посёлке Пихтовка Новосибирской области.

В параграфе 1 «История создания повести “Моя Сибирь”» изучены обстоятельства написания и издания «Моей Сибири». Рукопись «Воспоминания о Сибири и ДВК», датированная автором 1949–1958 годами,² и переписка А. И. Цветаевой с сестрой Валерией свидетельствуют о том, что первые фрагменты произведения создавались автором в ссылке. В них, ещё не ставших единым художественным целым, рассказывалось о строительстве дома и о существовании животных в условиях северного посёлка, что впоследствии станет двумя ведущими тематическими линиями повести. Создание прозаических миниатюр, первым читателем которых становилась В. И. Цветаева, получая их в письмах, является отзвуком эпистолярной культуры начала XX века. Нередко частное письмо содержало в себе общечеловеческий смысл и писалось с учётом того, что с ним познакомится не только один адресат.

Первая публикация произведения, названного тогда «Сибирские рассказы», состоялась в 1986 году в журнале «Юность», а в 1988 году повесть «Моя Сибирь» вышла в составе одноимённой книги. Для сокращения текста и усиления оптимистического звучания журнального варианта произведения из его повествовательного полотна были исключены рассказ об этапе из Новосибирской тюрьмы, о лечении в больнице, замечания автора об острой необходимости помощи из дома, а также некоторые сюжеты о животных, имеющие трагическую развязку.

Столь ощутимый временной интервал между написанием первых страниц книги и её изданием обусловлен личными обстоятельствами (жизнь в ссылке, хлопоты по реабилитации, впоследствии – усложнившиеся взаимоотношения с М. И. Фейнберг, редактировавшей «Мою Сибирь») и сменой творческих приоритетов (в 60–70-е годы писательница работает над «Воспоминаниями» и романом «Апог»).

В параграфе 2 «Человек в условиях политической ссылки» исследуются самоощущение и духовно-нравственные ориентиры ссыльных, среди которых оказывается и автор-повествователь, в нелёгких бытовых условиях.

В основе сюжета лежат события повседневной жизни пихтовцев – строительство дома, возделывание огорода, заботы, связанные с ведением хозяйства. В трактовке Цветаевой, ссыльный человек, в отличие от заключённого, обладает широкой свободой самопроявления в окружающем мире.

¹ Там же. С. 61.

² РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 1. Ед. хр. 30.

Если герои «Амог» выражают себя в слове, то в «Моей Сибири» особое значение в характерологическом плане приобретает действие. После пребывания в лагере жизнь в ссылке воспринимается автором как обновление, предполагающее устремлённость в будущее, поэтому в повести Цветаева очень лаконично представляет предыстории героев, в отличие от ментальной погружённости в прошлое персонажей романа.

Сочувственная, задушевная манера отличает повествование Цветаевой о тех, для кого быт и бытие в ссылке оказывается серьёзным испытанием. Бытовая среда в «Моей Сибири» представлена фактурно, осязаемо; текст насыщен специфической строительной лексикой, деталями сибирской повседневности. Переписка с В. И. Цветаевой обнаруживает, как тяжело было А. И. Цветаевой в действительности. Однако в повести, рассказывая о трудностях, автор избегает отрицательных оценок происходящего, остаётся бесстрастным и утверждает мысль о том, что в любых условиях важно уметь сохранить себя, собственный интерес к жизни, способность мыслить и чувствовать. Не случайно повествованию свойственна лирическая и оптимистическая тональность.

Для писательницы преодоление бытовой неустроенности в ссылке после жизни в лагере означает возрождение, интенсивное освоение мира, поэтому с основной сюжетной линией в повести органично связана тема детства. Реально-биографическим основанием, определившим обращение к этой теме, стал приезд в Пихтовку семьи сына – невестки с двумя детьми, Геной и Ритой. Размышления о воспитании и взаимоотношениях взрослого и ребёнка обусловлены острым чувством личной ответственности писательницы за судьбу молодого поколения. В отношениях с детьми Цветаева отнюдь не была сентиментальна: воспитывая внушек Риту и Олю, она была требовательна, строга и порой непреклонна. Изображение детских характеров (подруг Нади и Лиды, двухлетней Гали, шестилетнего Вити), формирующихся в среде, где превыше всего ценятся практичность и умение вести хозяйство, позволяет многогранно и глубоко отразить сущность жизни в посёлке.

Ценным нравственным качеством, с точки зрения мемуаристики, выступает подлинная детскость – умение радоваться каждому дню и находить удивительное в обыденном. Жизнь в посёлке вызывает в сознании автора ранние впечатления жизни. Эмоциональное состояние рассказчицы в «Моей Сибири» близко к детским переживаниям познания мира, что наряду с эмоциональной пульсацией, одухотворением вещной действительности, особым вниманием к образу дома обуславливает созвучность повести книге «Воспоминания».

В параграфе 3 «Гуманистический анимализм» в повести «Моя Сибирь» исследуется характер представления образов животных, как особая грань художественного мира Цветаевой, наиболее ярко проявившаяся в «Моей Сибири». Трепетное, подчёркнуто-уважительное отношение писа-

тельницы к животным, о котором свидетельствуют её современники (С. Айдинян, В. Ионас, Ю. Гурфинкель, А. Саакянц¹) отразилось и в прозе.

Изображение животных в нравственно-онтологическом ключе позволяет говорить о продолжении писательницей в русской литературе традиции «гуманистического анимализма»². В «Моей Сибири» характеры животных (живших у рассказчицы собак и кошек, гуся Теги, Свина) воплощены с высокой художественной точностью, психологизмом. Писательница наделяет своих бессловесных персонажей памятью, чуткостью, способностью сопереживать, грустить и радоваться. Их неповторимость проявляется и во внешнем облике, и в манере поведения.

Мемуаристка была убеждена в том, что человек не в праве распоряжаться жизнью беззащитного существа, сотворённого Богом. Цветаева рассказывает в повести о событиях, которые символизируют справедливость возмездия за гибель животного (хозяин, убивший верного пса Руслана, чтобы шить из его шкуры рукавицы, погиб, «не доносил рукавиц Руслановых»³). У Цветаевой животные способны «превращать быт в праздник»⁴, но их положение в мире людей, где всё подчинено практической пользе, нередко трагично.

В главе IV «Малые жанры в творчестве А. И. Цветаевой: книга «Неисчерпаемое»» изучено художественное и событийное своеобразие очерков, новелл, эссе, изданных в 1992 году. В ходе исследования выявлена неопределённость жанровых границ прозаических миниатюр писательницы, сближение с жанром литературного портрета, сочетание в них описательности и новеллистичности, свободная, эссеистическая манера повествования. В «Неисчерпаемом», кроме столь свойственного Цветаевой лирически серьёзного тона, звучат и юмористические ноты. Автор стремится как можно точнее вписать памятное событие в пространственно-временную систему координат, что явилось отзвуком дневникового жанра, столь излюбленного в молодости.

Комплекс мотивов, характерных для художественного мира Цветаевой (мотивы детства, времени, памяти, творчества), объединяет очерки и эссе и позволяет представлять книгу как художественное целое. При разнообразии тематических групп произведений – о детстве, о представителях литературной среды, известных и почти забытых в настоящее время, о музыкантах и художниках, об удивительных, необъяснимых событиях – все события и лица вписываются в контекст авторской биографии, определявшей особенности событийного наполнения и поэтики текста.

¹ Гурфинкель Ю. Подземная река // Октябрь. 2008. № 8. С. 175; Ионас В. Анастасия Цветаева. Встречи. Переписка // Грани. 2001. № 198. С. 152; Саакянц А. Анастасия Ивановна // Саакянц А. Только ли о Марине Цветаевой? М., 2002. С. 149.

² Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник Вселенной...» М., 1990. С. 7.

³ Цветаева А. И. Моя Сибирь. М., 1988. С. 160.

⁴ Там же. С. 85.

Обращение к малым жанрам у Цветаевой после «Воспоминаний» и романа «Амор» определено её пониманием сущности мемуаротворчества как духовного долга перед будущими поколениями, который требует «сохранить всё, чему ... была свидетелем, не упустить ничего»¹.

В заключении представлены выводы по диссертационному исследованию. Мир творчества Цветаевой, в котором художественное, событийное и онтологическое начала взаимосвязаны, представляет собой целостную систему с устойчивым комплексом тем, художественных приёмов. Автор обращается к проблеме духовной стойкости человека, необходимости его постоянного личностного роста в независимости от внешних обстоятельств. Обладая чётко осознаваемой духовно-нравственной позицией, эволюция которой представлена в прозе, она высвечивает надвременной, общечеловеческий смысл событий частной жизни. Любовь к миру, ко всему живому – будь то человек, животное, растение – явившаяся определяющей чертой личности Цветаевой, отразилась и во многом определила своеобразие её мемуарной прозы.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих научных работах:

1. Касатых Е. А. Издательская судьба «Воспоминаний» А. И. Цветаевой // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – № 4. – С. 182–185 (0,5 п. л.)
2. Касатых Е. А. Пространство и время в «Воспоминаниях» А. И. Цветаевой // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № 4. – С. 154–158 (0,4 п. л.)
3. Касатых Е. А. Роман «Амор» А. И. Цветаевой в литературно-философском контексте XX века // Обсерватория культуры. – 2009. – № 1. – С. 119–123 (0,5 п. л.)
4. Касатых Е. А. Дом в «Воспоминаниях» А. И. Цветаевой // Русское литературоведение на современном этапе: Материалы международной конференции. В 2 т. Т. II. – М.: РИЦ МГТУ им. Н. А. Шолохова, 2007. – С. 57–60 (0,2 п. л.)
5. Касатых Е. А. Духовный путь А. И. Цветаевой в зеркале автобиографической прозы // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сб. науч. статей. В 2 ч. Ч. II. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – С. 107–115 (0,4 п. л.)

¹ Памятник сыну / Сост. О. А. Трухачёва, Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина. М., 1999. С. 9.

6. Касатых Е. А. Жанровые особенности «Воспоминаний» А. И. Цветаевой // Филологические штудии: Сб. науч. трудов. Вып. 11. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – С. 67–74 (0,4 п. л.)
7. Касатых Е. А. Книга А. И. Цветаевой «Непостижимые» в круге детского чтения // Литература и личность: методический и литературоведческий аспекты: Сб. науч.-метод. ст.: в 2 ч. Ч. 2. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – С. 163–170 (0,4 п. л.)
8. Касатых Е. А. Книга и чтение в личной и писательской биографии А. И. Цветаевой // Проблемы литературного образования: школа – вуз: Материалы второй региональной научно-практической конференции. – Шуя, 2007. – С. 123–126 (0,3 п. л.)
9. Касатых Е. А. Малые жанры в творчестве А. И. Цветаевой: книга «Неисчерпаемое» // Малые жанры: теория и история: Сб. науч. ст. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. – С. 148–154 (0,3 п. л.)
10. Касатых Е. А. Москва в «Воспоминаниях» А. И. Цветаевой // Москва и «московский текст» в русской литературе XX века. X Виноградовские чтения: Материалы международной научной конференции. – М.: МГПУ, 2007. – С. 40–45 (0,3 п. л.)
11. Касатых Е. А. Особенности мемуаротворческой концепции А. И. Цветаевой // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV Междун. научно-тематическая конференция: Сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – С. 126–135 (0,5 п. л.)
12. Касатых Е. А. Письма В. И. Цветаевой как источник изучения жизни и творчества А. И. Цветаевой // Шуйская сессия студентов, аспирантов, молодых учёных. – Шуя-Иваново: ШГПУ, 2008. – С. 75–78 (0,2 п. л.)
13. Касатых Е. А. Роман А. И. Цветаевой «Апог» и «Подвальные очерки» А. К. Герцык: бытовое, нравственное, онтологическое // Филологические штудии: Сб. науч. трудов. Вып. 12. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. – С. 54–74 (0,3 п. л.)
14. Касатых Е. А. Творчество А. И. Цветаевой: задачи и перспективы изучения // Нижегородская сессия молодых учёных. Гуманитарные науки (12; 2007). – Н. Новгород: Гладкова О. В., 2007. – С. 132–133 (0,1 п. л.)

10-

Подписано к печати 14.04.2009 г. Формат 60х84/16.
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 1,2. Тираж 100 экз. Заказ № 1813.

Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ»
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24
Телефон (49351) 4-65-94
E-mail: SwaneFF@yandex.ru
www.sgpu.tpi.ru

Отпечатано в типографии ГОУ ВПО
«Шуйский государственный педагогический университет»
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24